

Поев, Чжан Чи почувствовал, что к нему вернулись силы. Он прибрался на кухне и собрался было накосить травы, чтобы смешать её с заготовленным сеном и покормить овец.

Он подбросил курам немного овощных листьев, но тут же услышал, как тот мужчина выругался, обозвав его транжирой: дескать, самим есть нечего, а он кур кормит. Чжан Чи пропустил его слова мимо ушей. Мужчина, ворча, высыпал готовую смесь для кур прямо к ногам Чжан Чи и отправился спать.

— Я пойду накошу травы! — бросил Чжан Чи вслед мужчине.

Он не ждал ответа и, развернувшись за корзиной, не заметил, как тот на мгновение замер.

Чжан Чи шёл полчаса, но так и не нашёл никакой зелени — всю траву у обочин он уже давно ободрал. Зелёных растений здесь было до обидного мало, и он впервые почувствовал уныние. Эти овцы были его единственным шансом: до того, как попасть в сборную провинции, ему предстоял долгий путь, и он был готов к трудностям. Пожалуй, стоит продать часть овец, оставив лишь пару штук на мясо.

В любом случае, он здесь надолго не задержится. От этой мысли стало легче, и он зашагал обратно. По пути он неожиданно встретил того юношу. Память к нему ещё не вернулась, поэтому он не знал, как лучше заговорить, но встречный, казалось, был даже более взволнован, чем он сам.

— Вэй Чи, ты поправился? Уже можешь работать? Как быстро ты восстановился!

— Я в порядке, просто из-за травмы головы потерял часть памяти. Как тебя зовут?

— Потерял память? Ну ещё бы, дядя Вэй так сильно тебя ударил, я уж боялся, что ты не выкарабкаешься. Кстати, я Лу Чуншань. Не знаю, свяжется ли с тобой тот учитель Чжоу, такой шанс упустил из-за дяди!

Чжан Чи смотрел на паренька и, слушая его болтовню, вдруг вспомнил Шань Чжо — тот тоже был горазд поговорить. Ему оставалось только слушать и изредка вставлять слова, как и сейчас.

— Мы с тобой ровесники?

— Конечно! Я даже на полмесяца младше. Ты родился шестого числа первого лунного месяца, а я десятого числа седьмого.

Чжан Чи примолк. Этот парень, крепкий как гора, был младше него? Видимо, жизнь Вэй Чи была совсем не сахар, раз он так сильно отстал в развитии. Конечно, нельзя исключать, что этот юноша просто слишком быстро вымахал.

— Как мне обычно тебя называть? Ты далеко живёшь? — продолжали они беседовать по пути.

— Раньше ты звал меня Дашань. Мой дом на той стороне, мы проходили мимо, когда шли к тебе. От меня до тебя минут сорок пять, у нас тут с этим не так строго.

— У вас дома есть часы? Ты видел когда-нибудь мобильный телефон? — Чжан Чи постепенно привыкал к здешней жизни, и слов у него становилось всё больше.

— В таких условиях, как у нас, откуда им взяться? Часы одни есть, да только идут ли они точно — кто знает.

— Я хочу продать овец. Ты не знаешь, где найти покупателя?

— Ты же говорил, что они для тебя как жизнь? Что, решил продать свою жизнь?

— Я всё ещё хочу заниматься настольным теннисом, мне нужны деньги на тренировки, и я больше не могу их кормить. А ему всё равно.

О ком шла речь, оба прекрасно понимали.

— Когда ты уедешь, он будет ими заниматься. Мои родители видели, как он пас овец, он умеет работать в поле, просто притворяется, — простодушный деревенский паренек сочувствовал другу.

— Ничего, я знаю. Помоги мне поспрашивать, мне нужно продать хотя бы три-пять голов. И ещё, я собираюсь сменить имя на Чжан Чи, предупреждаю заранее.

— Почему? Из-за того, что он тебя бьет? Это те самые иероглифы?

— Не только. Хочу начать всё сначала! Чжан — как лук, Чи — как настойчивость.

— Ладно, у тебя всегда есть свои причины. Я верю тебе!

— А как я обычно себя вёл? — Чжан Чи наконец решился задать этот важный вопрос.

В прошлой жизни он рано попал в сборную, но при этом находил время на учёбу и успеваемость в университете была неплохой.

— Ну, учился ты средне, примерно как я.

Пухлый паренек замялся, и у Чжан Чи возникло дурное предчувствие: неужели он был двоечником?

— Расскажи подробнее, чтобы я понимал, чего ожидать.

Дашань засомневался. Раньше Вэй Чи такие вещи не волновали, в его глазах были только овцы, куры, а потом — настольный теннис.

— Нет, не так.

За разговором время пролетело незаметно. Они дошли до развилки, и Чжан Чи почувствовал грусть: всё-таки это был первый человек, с которым он мог нормально поговорить.

— Мне пора. Будет время — заходи, а насчёт овец я буду иметь в виду.

Сказав это, Дашань вдруг стал вести себя странно. Он осторожно огляделся, наклонился к самому уху Чжан Чи. За время долгой ходьбы Дашань из-за своей комплекции утомился, и когда он приблизился, Чжан Чи почувствовал, как воздух вокруг стал тяжелым. Он инстинктивно хотел отпрянуть, но сдержался, не желая обидеть чистосердечного парня.

— Твои деньги всё ещё у меня, помнишь? Если понадобятся — я тебе принесу.

— Мои деньги у тебя? — голос Чжан Чи невольно дрогнул.

— Тише ты! Хочешь, чтобы дядя узнал?

Дашань хотел было зажать ему рот, но постыдился своих грязных рук. Ему казалось, что Вэй Чи стал каким-то другим — то ли аура изменилась, то ли стал опрятнее, он не мог понять, но прикасаться к нему грязными руками не решался. К тому же, он хочет сменить имя на Чжан Чи! Фамилию сменил — от предков решил отказаться?

— Прости, я просто разволновался. И сколько у меня там? — здесь было так бедно, что известие о сбережениях не могло не взволновать Чжан Чи.

— Триста юаней. Ты долго копил, это было непросто. У меня самого всего пятнадцать, — в глазах Дашаня светилось такое восхищение, что у Чжан Чи возникла иллюзия, будто у него в кармане три миллиона.

Он быстро взял себя в руки. Здесь так бедно, а Вэй Чи исчез из поля зрения так внезапно, что он не успел разузнать подробности. Похоже, он не понимал, что для здешних людей значат триста юаней.

— На что можно потратить триста юаней? — думал Чжан Чи. Не может же это быть месячной зарплатой одного человека? Вэй Чи говорил, что мама дает ему двести юаней на месяц, как же он накопил только восемьдесят?

Дашань посмотрел в небо и решил еще немного поболтать с Чжан Чи — дома всё равно ждала работа, а здесь можно было немного схитрить.

— Давай присядем, я так устал, даже вспотел. — Дашань плюхнулся на землю, подняв облако пыли, и небрежно махнул рукой, чтобы разогнать её. Видя, что Чжан Чи не садится, он решил, что тот после болезни стал брезгливым, и оставил его в покое.

— Триста юаней — это почти доход всей нашей семьи за месяц. Нас пятеро: дедушка с бабушкой, папа, второй папа и я. Дедушка с бабушкой старые, не работают, но у них есть десять юаней пенсии. Мои папы работают на фабрике неподалеку: отец получает сто восемьдесят, второй папа — сто, потому что он ухаживает за стариками и ведет хозяйство, у него график свободнее, вот и зарплата ниже.

Чжан Чи пропустил мимо ушей остальное, его внимание приковало упоминание двух отцов. Значит, Вэй Чи говорил правду: мужчины-омеги могут беременеть и рожать! И сам он мог оказаться омегой — хотя шансы были один к трём, он не мог не волноваться. Он приехал в этот мир, чтобы осуществить свою мечту, а омеги каждый месяц страдают от течки — это куда хуже, чем женские дни!

Он про себя молился: пусть я не буду омегой! Только не это!

Чжан Чи расстался с Дашанем, который заметил его рассеянность и, помня о недавней болезни, отправил друга домой отдыхать. По дороге Чжан Чи всё прокручивал в голове слова Дашаня:

— Мужчины-омеги, конечно, могут рожать, об этом нам рассказывали на уроках гигиены! Ты просто устал, иди домой.

Глядя вслед Дашаню, Чжан Чи убеждал себя: ничего страшного, всё будет хорошо!

Нелюбимый, полагающийся только на себя.

Поверхность Лёссового плато была изрезана оврагами. На закате Чжан Чи, стоя в лучах уходящего солнца, смотрел на величественный пейзаж, и его гнетущее настроение рассеялось.

Земля была суровой, будущее — туманным, но в душе Чжан Чи вскипела небывалая решимость.

Как говорится, если что-то существует, значит, у этого есть смысл. Моя судьба в моих руках, а не в воле небес. Раз я здесь, я приму всё как есть. Если я действительно омега, я преодолею все природные недостатки. Путь прокладывают идущие; если никто здесь еще не проходил, я стану первопроходцем!

Размышляя, он незаметно дошел до дома. Он не стал сразу готовить, а решил сначала покормить овец — хорошо, что запас сена был, иначе он не знал бы, что делать.

Мужчины дома по-прежнему не было. Чжан Чи почувствовал неладное: обычно в это время дом был полон звуков — блеяния овец, кудахтанья кур, а сегодня — тишина.

Сердце сжалось. Он бросился к загону — пусто. Никого нет! Только шесть кур лениво клевали зелень.

Он сегодня не уходил далеко и не слышал ничего подозрительного. Тринадцать овец и двадцать одна курица исчезли, осталось лишь шесть птиц. Он присмотрелся к земле: всюду были следы, даже от шин пикапа, который ездил по двору. Кто-то украл самое ценное.

Он так погрузился в свои мысли, что не заметил ничего на дороге. Сбравшись с духом, Чжан Чи вышел за ворота. Он должен во всём разобраться.

Он пошел по следам шин. Солнце уже село, на небе замигали звезды. Говорят, жизнь — это дикость, но сейчас ему было не до красоты пейзажа.

Он шел механически, не чувствуя ни усталости, ни голода, ни боли. Дорога казалась бесконечной, но наконец следы привели его к заброшенной фабрике.

Машина стояла там, внутри горел тусклый свет и слышались голоса.

Неизвестно откуда взявшаяся смелость толкнула его вперед. Внутри оказалась бойня: туши овец, грязные столы с разбросанными инструментами, овечьи ноги, кишки и лужи крови повсюду.

Пятеро или шестеро мужчин ели и пили. Увидев Чжан Чи, они опешили: чей это ребенок бежит так поздно, не боится потеряться?

— Откуда малец? Как сюда попал? Где твои взрослые? — пробормотал толстолицый мужчина, икнув от алкоголя.

— А парень-то симпатичный. Гляньте в его глаза, почему в них столько ненависти? — худой указал на взгляд Чжан Чи.

Мужчины с недобрым прищуром разглядывали его, ругаясь: — Щенка, гляди-ка, злость берет, черт возьми!

— Вы сегодня ездили в деревню Наньлигоу покупать овец?

— Твои взрослые продали, мы заплатили, иди и спроси у них! — самый старший ответил чуть мягче.

— А моих кур вы тоже купили?

— Да. Закончим здесь и поедem домой встречать Новый год. Мы заплатили Вэй Мину 1750 юаней, иди домой. Поздно будет — замерзнешь, сегодня похолодание, а одет ты легко.

Значит, его зовут Вэй Мин. Чжан Чи напоследок взглянул на овец и решительно повернул назад. Он не мог позволить себе умереть здесь. Вэй Мин продал овец, но его не было дома — неужели он ушел? Если так, Чжан Чи справится, он найдет способ прокормить себя.

На извилистой тропинке он был один. Узнав судьбу животных, он успокоился — главное, их не украли.

Когда напряжение спало, навалились усталость и боль. Старые ботинки совсем развалились, пальцы стерты в кровь, ноги не слушались, но он продолжал идти на одной силе воли.

Под бескрайним звездным небом он был единственным путником. Это напомнило ему о том, как он впервые попал в сборную. В прошлой жизни он с детства тренировался, занимался боевыми искусствами, и его физическая подготовка была на высоте. Все приемы были вбиты в память, нужно будет возобновить тренировки. Еще нужно построить в доме ванную, нельзя же не мыться.

И нужно придумать, как заработать. Он неплох в боксе — может, в городе можно участвовать в турнирах? Интересно, есть ли здесь бокс. А если есть гонки, он и там сможет — когда-то он был скрытым гонщиком! Но сейчас он слишком молод, даже на работу не возьмут! Как выбраться из этой ловушки?

Чжан Чи ломал голову, но ничего не придумал. В своих раздумьях он не заметил, как дошел до холодного, ставшего уже привычным дома.

В комнате было темно, Вэй Мина не было. Продал овец, получил деньги — конечно, его нет. Чжан Чи был голоден как волк, поэтому решил сначала приготовить себе лапши.

Он замесил тесто, раскатал лапшу, обжарил редьку, добавил яйцо и зелень — получилось две миски! Первую он съел залпом, забыв о боли в желудке, а со второй уже распробовал вкус.

Пока ел, поставил воду. Весь день он был в пыли и грязи. Овец больше нет — и ладно, у него всё равно не было сил их растить. Чжан Чи хотел только денег и перемен. Только выйдя отсюда в большой мир, он сможет найти свой путь.

Вторая миска была съедена. Он помыл посуду, вода нагрелась. Собравшись с духом, он кое-как помыл голову и обтерся теплой водой. Стало гораздо свежее.

Завтра нужно начинать копать новую яму-пещеру, а старую соединить с кухней — спать в холоде было невозможно. Кухня была прибрана, Вэй Чи тоже оказался аккуратным, так что спать на полу было вполне сносно.

Чжан Чи был истощен физически и морально, но после горячей воды и в тепле кухни он быстро уснул. Во сне он вернулся в тренировочный центр в Пекине, но там уже не было знакомых тренеров и товарищей. Всё было таким чужим. Чжан Чи подумал: прощайтесь, надеюсь, у вас у всех сложится прекрасная жизнь.

На следующее утро солнце заглянуло в окно, и он проснулся. Завтрак был проблемой — он не знал, что готовить. Раньше он ел молоко с хлебом или булочки с соевым молоком, а здесь таких условий не было.

В голове крутилась одна мысль: готовить он совсем не умеет!

Поеду в посёлок Наньцяо!

Чжан Чи наскоро приготовил соленый суп с лапшой, снова из редьки, и поел. Нужно было срочно копать пещеру.

Он прибрался, вскипятил воды и вышел. Воздух здесь был ужасный, он тут же наглотался пыли. Хорошо бы посадить деревья — когда будет возможность, он обязательно применит свои знания, чтобы изменить это место. Он походил по двору, покормил кур, хотел было закатать рукава, но глянул на свою одежду — она была настолько мала, что закатывать было нечего.

Он взял мотыгу и начал копать. Почва здесь, как и писали в книгах, была лессовой — сухой, плотной, легко поддавалась копке. Но даже при том, что в детстве ему приходилось нелегко, такой тяжелой физической работы Чжан Чи никогда не делал. Вскоре уверенность сменилась унынием.

Это было слишком тяжело. Руки не слушались, мозоли на ладонях покраснели, а потрескавшаяся кожа начала кровоточить. Он обессиленно бросил мотыгу, налил себе воды и стал медленно пить.

Кроме настольного тенниса, у него не было особых увлечений, но он неплохо учился. Можно давать частные уроки. Если правила тенниса здесь такие же, как в прошлой жизни, он мог бы

написать книгу — изложить опыт, методы тренировок, тактику. Это был бы вклад в развитие спорта.

Может, вести стримы? С его способностями это вполне реально. Вот только есть ли здесь компьютеры? Чжан Чи усмехнулся: сначала нужно решить вопрос с едой. В обед зарежет курицу — все равно их мало, не съест он, съест Вэй Мин.

Он решил не ждать и продолжил копать. Прошло полдня, а прогресс был мизерным. Он поторопился с выводами: вырыть пещеру оказалось не так просто. В одиночку, с одной мотыгой, он мог провозиться и два месяца!

Чжан Чи этого еще не знал. Он сел отдохнуть и увидел вдалеке Дашаня, который приближался к дому, как заведенный робот — высокий, неуклюжий, он тяжело переставлял ноги.

— Чжан Чи! Сегодня в Наньцяо большая ярмарка, ты же хотел сходить? Мои папы едут туда на трехколесном мотоцикле за покупками, мы можем поехать вместе. Ну как, я молодец?

Дашань был прямолинейным и не умел скрывать мысли.

— Можно? Не будет ли это проблемой? Что они собираются покупать? Может, я могу чем-то помочь?

— Саженьцы деревьев. У нас тут слишком много пыли, говорят, деревья помогают улучшить экологию, да и продать их можно. Хотят попробовать.

Чжан Чи смутился: — Спасибо! Когда отправляемся? Я поймаю курицу, попросим твоего папу сварить нам суп на обед, поможешь мне, я не очень умею!

— Пошли, в этом я мастер, справлюсь сам!

Дашань, не раздумывая, засучил рукава и бросился ловить курицу. — А я пока выдерну пару редисок, сварим вместе с курицей! — распределили они задачи. Дашань оказался мастером: пара ловких движений — и курица поймана. Его скорость контрастировала с грузным телосложением.

<http://bllate.org/book/22252/2327814>